

О. С. Пустошинская

*кандидат политических наук, доцент
кафедры новой истории и мировой политики
Институт социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ДИСКУРСИВНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена проблематике цифровой партиципации, обусловленной переходом гражданской активности в сферу online-коммуникации. В фокусе исследования находятся дискурсивные интернет-практики, представленные конвенциональным, протестным и экспертным проявлениями.

Ключевые слова: политическое участие, цифровая партиципация, online-коммуникация, гражданское общество, государственные институты, принятие политических решений.

Современное общество вступило в фазу радикального переформатирования модели собственной организации. В основе глубинных сдвигов, затронувших все сферы человеческой жизнедеятельности, лежит тотальное распространение информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) и укоренение сетевой архитектуры социальных трансакций.

Макросубъекты, ориентированные на форсированное освоение цифрового уклада, получают преимущества в конкуренции за занятие ключевых позиций в иерархии глобального порядка. Разработка и использование цифровых платформ, экосистем, приложений, 3D-печати, обращение к электронному делопроизводству и роботизации определяют:

- 1) изменение структуры экономики, обуславливая ее рост;
- 2) расширение рынков, появление их online-аналогов, новых профессий, классов товаров и услуг;
- 3) улучшение бизнес- и инвестиционного климата;
- 4) совершенствование систем управления, координации и контроля, обеспечения общественной и национальной безопасности;
- 5) облегчение доступа к информации, коммуникационному обмену, предоставление новых возможностей для политического выражения;
- 6) усиление прозрачности властных механизмов и укрепление обратной связи;
- 7) повышение жизненных стандартов социального сегмента благодаря удобству и качеству услуг, реализуемых государственными и негосударственными структурами.

Осознание важности перестроечного процесса стимулирует страны к созданию благоприятных институциональных условий для цифровизации обществ, а также объемным финансовым вливаниям в сектор технологических инноваций. Доказательством служит тот факт, что по состоянию на 2017 г. 3,811 млрд жителей планеты (свыше 50%) оказались охваченными Интернет-сетью [Интернет в России в 2016 г.: отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям 2017].

Значительные успехи в данном направлении демонстрируют Южная Корея, Япония, США, передовые страны ЕС [Индекс готовности к будущему: совместный проект Международного дискуссионного клуба «Валдай» и ВЦИОМ 2017]. Российская Федерация несколько отстает от кластера лидеров. По Индексу готовности к будущему экспертами ей отведено 12 место в рейтинге членов G-20 [Там же].

Тем не менее, индикатором положительных трендов, соответствующих целевым вызовам, может служить интернетизация 87 млн россиян (71% граждан), что ставит страну на 1 место в Европе и 6 в мире по количеству пользователей [Цифровая Россия: новая реальность: доклад глобальной экспертной группы “Digital McKinsey” 2017]. На всех уровнях власти активизируются усилия по повсеместному внедрению идей электронного правительства, открытого государственного, муниципального управления и цифровой демократии. Реализуются государственные программы по расширению сети online-услуг, модернизации инфраструктурных сервисов, увеличению спектра Интернет-закупок, нивелированию цифрового неравенства. Делается акцент на внедрение в производство готовых платформ и бизнес-моделей. Организуется обучение и переподготовка специалистов по освоению технологий «Индустрия 4.0», а также реализуется проект по обеспечению цифровой грамотности жителей страны.

В контексте многомерного процесса виртуализации реальности рождение такого феномена, как цифровое участие, является закономерным. Данный вид партиципации представляет собой сетевую активность граждан, которые используют возможности ИКТ для влияния на истеблишмент. Консолидирующиеся в эгоцентричные микросети пользователи формируют узлы доверительных связей, совпадающих позиций и интересов, интегрированных ресурсов, стимулируя самовоспроизводимое накопление социального капитала и способствуя тем самым продвижению в пространстве принятия и исполнения общественно значимых решений выдвигаемой инициативы, политического проекта, протестного коллективного мнения.

При этом каналами коммуникации выступают социальные платформы, чаще всего «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter», видеохостинги по типу «Youtube», электронные СМИ, порталы правительственных институтов, сайты политиков, общественно-политических организаций и движений, НКО, форумы, блоги. В перечне популярного инструментария выделяются гражданские приложения, хэштеги, фолксономии, лайки, мемы, гифки и пр.

Цифровое участие отличается крайней вариативностью и дискретностью выражения, эклектикой эффектов. В формате аппроксимации его можно классифицировать на следующие практики: формально институционализированные; не инкорпорированные в систему, но не выходящие за границу правового поля; радикального характера.

Видовая представленность колеблется в диапазоне от простых, пассивных и сжатых до сложных, развернутых, требующих привлечения IT-специалистов проявлений. В целом, при генерализации примеров выявляется ряд наиболее распространенных форм:

- 1) маркиция лайка под пост, содержание которого вызывает чувства согласия, сопричастности;
- 2) использование хэштега с политической валентностью;
- 3) размещение в Сети публикации по резонансной теме или видео события, обладающего потенциалом перетекания в информационный повод;
- 4) E-mail рассылка сообщения или фото файлов;
- 5) обращения с заявлениями, петициями, жалобами, инициативами в электронные приемные;
- 6) обсуждения и комментарии на форумах, в блогах и чатах;
- 7) online-финансирование кампании политического субъекта;
- 8) проведение Интернет-опросов;
- 9) политический краудсорсинг;
- 10) E-voting;
- 11) организация off- и online-флешмобов;
- 12) хакерство и кибертерроризм;
- 13) Интернет-троллинг и др.

В каждом конкретном случае цифровое участие агрегирует последовательно разворачивающиеся ряды коммуникативных событий, а следовательно, его объективация и означивание осуществляется посредством дискурса. Последний эксплицируется как способ языкового взаимодействия индивидов. Являясь носителем ценностных, концептуальных, образных, интерпретационных и иных метафизических образований, он позволяет смыкать мировоззренческие, когнитивные, эмоциональные, политико-ролевые и иные механизмы, задавая производство, трансляцию, распространение, суггестию смыслов и обуславливая взаимное влияние субъектов информационно-интенционального обмена лингвоформ.

Независимо от того, предполагает ли частный сюжет участия воплощение в текстовом сообщении, речевом акте, знаково-символической, видео- или аудиорепрезентации, происходит продвижение трактовок, убеждений, позиций в рассредоточенной аудитории Интернет-пользователей. Характерно, что обозначенный процесс упорядочен, подчинен определенным алгоритмам, законам выбора вербальных и невербальных знаков, кодов, жанров. Разные его инициаторы и заказчики генерируют уникальные типы дискурса в соответствии с собственным видением модели общественного порядка и целеполаганием.

Так, дискурс конвенционального участия, как правило, предполагает формализацию и стандартизацию текстовых, риторических, диалоговых воплощений, стереотипизацию суждений, употребление, например, таких политических понятий, как «электронная демократия», «гражданская культура», «парламентаризм», «выборы», «политическая конкуренция» и др.

Базовый домен концептосферы обозначенного дискурса — консолидация усилий элиты и граждан в достижение общественного блага, а также конституционное приведение к власти достойных представителей общества в противовес деструктивному политическому поведению, влекущему делинквентную смену режима. Семиотические комплексы и изобразительно-выразительные средства выбираются для поддержки главной идеи. Создаются категории-символы и образы-символы: «единство», «духовность»,

«национальный лидер», «патриотизм». Этика дискурса подчиняется логике публичных обсуждений, достижения компромиссов.

Артикуляция проблематики сопровождается предложением инновационно-технологических путей и способов решения с приведением релевантной базы аргументации. Проекты разрабатываются, исходя из рациональной рефлексии и видения права на собственную политическую субъектность. При инициативе снизу заявляются притязания, просьбы, принуждение наделенных полномочиями лиц к действию.

Особенность дискурса протестного участия состоит в его идейной заостренности, противопоставлении контрлегитимности новых солидарностей правящей группе. Парадигма оппозиционной политической борьбы и программа иного общественно-политического развития получают четкое выражение и соотнесение с конкурирующими альтернативами.

Для рассматриваемого дискурса характерен специфический набор понятий и символов. К ним относятся: «революция», «митинг», «демонстрация» и др. Среди неологизмов, например, — «i-декабризм», «норковая революция», «взбунтовавшиеся хипстеры».

Логика строится на противопоставлении системного и внесистемного. Основная мысль подкрепляется совокупностью априорных посылок, фрагментами негативных социально-политических практик. Применяются языковые формы и инструменты, которые дискредитируют агентов власти и побуждают людей к переменам. Широко используются метафоры («контрольная прогулка», «невидимые люди», «фасадная демократия»), отрицание («нечестные выборы», «несправедливая власть»), навешивание ярлыков («демокрады», «коммуняки»). Популярностью пользуются сарказм и ирония. Выдвигаются ультиматумы, требования, призывы: «Долой коррупцию!», «Отменить результаты выборов!» и пр.

Смысловое моделирование и стилистико-эмоциональное нюансирование призваны объединить и мобилизовать значительный социальный сегмент Интернета вокруг идеи активного политического протеста.

Для фокусирования внимания как можно большего числа аудитории Сети на каком-либо политическом проекте, законодательной инициативе или актуальной, обозначенной резонансным фактом ситуации заинтересованными лицами привлекаются эксперты. Специфика их дискурса определяется формированием научно обоснованного суждения о состоянии объекта экспертизы, его качественных и / (или) количественных изменениях в будущем. Для этого используются: специфическая терминология, общественно-политическая лексика, ассертивы, соответствующие области научного знания. Стилистика заключения отличается композиционной выстроенностью, последовательностью и точностью увязанных друг с другом доводов.

Таким образом, цифровое участие вписывается в господствующую модель мировой эволюции. Перемещение партиципаторной активности в online-измерение — результат трендов, связанных с внедрением ИКТ во все сегменты общественной жизни, а также замещением прежних, пространственно и темпорально ограниченных форм социальной коммуникации сетевыми аналогами. Это способствует кратному увеличению возможностей для разрастания политической субъектности.

Цифровое участие объективируется путем дискурсивных практик, которые находятся друг с другом в отношениях комплементарности, конкуренции, антагонизма. Их содержательные, структурные и иные особенности определяются производителями, различающимися мировоззренческими и целевыми установками, уровнем знания и компьютерной грамотности, социальными ролями и политическим опытом.

ИСТОЧНИКИ

1. Индекс готовности к будущему: совместный проект Международного дискуссионного клуба «Валдай» и ВЦИОМ // Сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-18_igb.pdf (дата обращения: 22.01.2018).
2. Интернет в России в 2016 г.: отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям // Сайт Федерального агент-

ства по печати и массовым коммуникациям. URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2017/teleradio.html> (дата обращения: 21.01.2018).

3. Цифровая Россия: новая реальность: доклад глобальной экспертной группы “Digital McKinsey” // Сайт ООО “Digital McKinsey”. URL: https://www.mckinsey.com/~/_/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (дата обращения: 22.01.2018).